

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-14

УДК 801:001.8

СИНОНИМИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ, ЭНТРОПИЯ, РОСТ ИНФОРМАЦИИ

Некипелова И.М.

Статья посвящена исследованию синонимии как одного из явлений, способствующих развитию языковой системы. Исследование показало, что синонимы первоначально являются принадлежностью речи, и только потом становятся принадлежностью языка. Это доказывает положение, что энтропия речи предшествует энтропии языка. Явление синонимии реализует принцип языковой избыточности. Оно приводит к росту энтропии, временно дезорганизовывая языковую систему, и в результате оптимизирует процесс перехода от одного состояния языка к другому. Новое состояние языка следует расценивать как более успешное и в наибольшей степени удовлетворяющее потребности каждого отдельного носителя языка и общества. В этом отношении синонимы способствуют росту информации. Они делают речь носителей языка более информативной, так как способствуют более точному выражению мыслей людей. Синонимия как вариант оптимизации языка предполагает стремление языка не к совершенству, а к удовлетворению потребности людей в коммуникации. В результате преодоления диссипативных структур языковая система пополняется новой информацией. Следовательно, увеличение энтропии увеличивает информативность языковой системы.

Ключевые слова: синонимия; антонимия; оптимизация языка; развитие языка; языковая избыточность; энтропия; рост информации в языке.

SYNONIMY: LANGUAGE REDUNDANCY, ENTROPY, GROWTH OF INFORMATION

Nekipelova I.M.

The article is devoted to research of synonymy as one of the phenomenon which promotes to development of language system. Results of the research showed that synonyms are speech accessory firstly, and then become language accessory. It proves that speech entropy are pre-

ceded language entropy. The phenomenon of synonymy realizes the principle of language redundancy. It leads to entropy growth. This process temporarily disorganizes language system, and, as a result, it optimizes process of language transition from one condition to another. The new condition of language should be regarded as more successful and more satisfying requirements of each separate native speaker and society. In this regard synonyms promote to growth of information. They make native speakers' speech more informative and promote more exact expression of thoughts. The synonymy as option of language optimization doesn't assume aspiration of language to perfection, but to satisfaction of need of people for communication. As a result of overcoming of dissipative structures the language system is replenished with new information. Therefore, the increase of entropy increases informational content of language system.

Keywords: *synonymy; antonymy; language optimization; language development; language redundancy; entropy; growth of information in language.*

Явление синонимии является языковой универсалией, поскольку оно присуще всем естественным языкам мира. Синонимия представляет собой базовые отношения единиц языковой системы наряду с такими не менее важными системными отношениями, как антонимия, омонимия и некоторые другие. Однако, несмотря на распространённость в языках мира, оно является не столь однозначным, как это представляется во многих лингвистических словарях и научных работах по лексикологии. Исследованию синонимии в разных языках посвящено много классических научных работ по филологии, однако нас синонимия интересует не просто как языковой факт, а как одно из явлений, способствующих развитию языковой системы.

Синонимия относится к немногочисленным, но важным языковым явлениям, посредством которых реализуется избыточность языковой системы. Это явление очень широко представлено в языках, несмотря на то, что по своей сути оно противоречит идее структурности языка, которая выражается в том числе в отсутствии необходимости в языке иметь две разные в звуковом выражении единицы, совпадающие в плане содержания. Именно на этом основании следует утверждать, что абсолютной синонимии в языке быть не должно и, как правило, за редким исключением не бывает. Абсолютная синонимия возможна лишь как явление спорадическое, возникающее ненадолго и существующее в течение определённого периода, когда одна из конкурирующих синонимических единиц начинает сдавать позиции, а другая, напротив, завоевывать языковое пространство. Тот факт, что синонимия в массе своей не существует в полной и абсолютной степени, свидетельствует о том, что она нарушает однозначность от-

ношений в языке. И это объяснимо: «Две единицы языка с одинаковым значением языку ни к чему, а несколько единиц с близким значением делают язык неустойчивой системой, так как формируют ситуацию выбора» [1].

Однако при всём этом синонимия – необходимое в языке явление, потому что она является причиной дестабилизации языковой системы [2], а дестабилизация, в свою очередь, приводит к развитию языка за счет увеличения в нем объема информации, так как «увеличение объема языка увеличивает энтропию и, как следствие, информативность системы» [3]. Отказ от синонимии в языке невозможен, поскольку во многом именно синонимические отношения делают языковую систему открытой, а это значит, что язык, как и все иные открытые системы, «эволюционирует к более высокой форме сложности» [4, с. 262].

В целом следует утверждать, что синонимия не закладывается в языке, а вырабатывается практикой речевой коммуникации. Предполагается, что языку достаточно одной языковой единицы с уникальным лексическим значением. Однако практика речевой коммуникации вводит в употребление новое слово, схожее с первым по значению или совпадающее с ним. В дальнейшем возникают ситуации, в которых происходит расхождение в употреблении этих единиц. Каждая из единиц приобретает специализированное употребление и начинает использоваться в определенном контексте. Впоследствии такое расхождение закрепляется в языке. По мере того как язык поглощает новую информацию и конвертирует её в языковые данные, готовые для использования носителями языка, он расширяется. Новая информация является источником энтропии в языке, поэтому синонимии следует рассматривать как признак энтропии в языковой системе.

После того как речевая практика закрепляет точное употребление единиц за контекстами, синонимы становятся легко узнаваемыми носителями языка, условно взаимозаменяемыми в некоторых контекстах. Впоследствии соотносительная синонимическая пара закрепляется в языке и вносится в словари, то есть становится конвенциализированной и кодифицированной, происходит стабилизация языковой системы. Следовательно, синонимы сначала формируются как контекстные, и только потом переходят в разряд языковых. Это соответствует нашему положению о том, что «энтропия речи предшествует энтропии языка» [5]. Однако закрепление синонимической пары как факта языка не делает синонимы абсолютно стабильными в употреблении, а синонимический ряд – закрытым. В процессе дальнейшего функционирования синонимических пар и рядов происходит их наложение на некоторые другие единицы языка, и в результате этого процесса появляются новые соотносительные пары и даже группы контекстных синонимов. В этом проявляется динамика языка.

Синонимия – явление, увеличивающее энтропию и в речи, и в языке. Увеличение энтропии в речи вызвано 1) необходимостью постоянного выбора употребления в речи одного из синонимов и 2) несоблюдением точного употребления языковых единиц в речи, в результате чего в контексте происходит распадение кодифицированной языковой синонимической пары за счет появления новых контекстных условий.

В свою очередь увеличение энтропии в языке связано с 1) появлением взаимозаменяемых единиц, не являющихся необходимыми в условиях функционирования системы, 2) принципиальной возможностью расширения синонимических отношений и продолжения синонимического ряда, то есть увеличением дестабилизации языковой системы, 3) усложнением системы за счет вхождения в неё новых единиц и реализации новых связей и отношений между этими единицами, 4) реализацией потенциальных возможностей языка и расширением его объема.

В целом синонимия является сильным дестабилизирующим фактором, поскольку появление синонимических единиц провоцирует ситуацию выбора одной из них в речи, а само их наличие в языке лишает язык однозначной точности. Синонимические отношения между единицами языка делают неоднозначными и другие лексико-семантические отношения, которые тоже в свою очередь корректируют семантические связи между синонимами. Так, большую роль в выстраивании синонимических отношений играют отношения антонимические. Именно соотношение синонимов и антонимов помогает более тонко определить смысловые расхождения в употреблении слов со схожей семантикой. Рассмотрим соотношение синонимов антонимической пары *хороший – плохой*.

Синонимами к слову *хороший* являются *добрый, доброкачественный, добросовестный, годный, пригодный, благообразный, благоустроенный, безупречный, удовлетворительный, достохвальный, похвальный, прекрасный, путный, славный, утешительный*, антонимами – *плохой, худой* [6]. Выбор одного из синонимов всецело зависит от контекста, поскольку все предложенные синонимы отличаются оттенками значений, а многие – стилистической маркированностью.

Мы видим огромное расхождение в лексико-семантическом отношении, и это понятно – слово *хороший* может употребляться в нескольких значениях: 1) вполне положительный; такой, как должен быть, нужен, необходим (*хороший совет*); 2) обладающий каким-л. или большим преимуществом среди других таких же (*хорошая карта*); 3) *только кратк.* очень красивый, привлекательный (*хорош собой*); 4) обладающий положительными моральными качествами; вполне достойный, приличный, добропорядочный (*девушка из хорошей семьи*) // выражающий душевное благородство, доброту, сердечность (*хорошие глаза*) // свойственный

благовоспитанным людям, соответствующий принятым нормам поведения (*правила хорошего тона*); 5) *только полн.* связанный взаимным расположением, короткими отношениями с кем-л.; близкий (*хорошие друзья*); 6) *только полн., разг.* милый, дорогой, обычно в обращении и с местоимением *мой* (*мой дорогой*); 7) *разг.* значительный по количеству, величине, интенсивности; вполне достаточный (*хорошие деньги*); 8) *обычно кратк., разг.* выражающий неодобрительную или ироническую оценку кого-, чего-л. (*хорош гусь*); 9) то, что является положительным, достойным, заслуживающим признания (*видеть в людях только хорошее*) [7]. Интересным языковым фактом является то, что как краткая, так и полная форма прилагательного *хороший* может выражать антонимичные значения положительный, выражающий положительную оценку кого-, чего-л. и выражающий неодобрительную или ироническую оценку кого-, чего-л. : *План Глеба Георгиевича хороши решительно всем кроме одного: некоему статскому советнику путь из Брюсовского сквера выходил напрямиком на погост* (Б. Акунин) – *Хорош порядок!* (Б. Акунин) [8].

Слово *плохой* также имеет разветвлённую систему значений: 1) обладающий качествами или свойствами ниже какого-л. среднего уровня (*плохая погода*); 2) недостаточный в каком-л. отношении, неудовлетворительный, слабый (*плохое доказательство*); 3) не имеющий достаточного мастерства, умения; неискусный, неумелый (*плохой актер*); 4) неудовлетворительный, не отвечающий запросам, требованиям кого-л. (*плохая жена*); 5) не отвечающий требованиям морали, вызывающий порицание, осуждение; дурной (*плохая репутация*); 6) содержащий, выражающий отрицательную характеристику, низкую оценку человеку (*плохое мнение*); 7) неблагоприятный, не предвещающий хорошего, утешительного (*плохое предчувствие*); 8) невесёлый, мрачный, тоскливый (*плохое расположение духа*); 9) *разг.* нездоровый, больной, немощный (*плохое сердце*) // *только кратк.* слабый, бессильный, в тяжёлом состоянии (о больном, старом) (*плох старик*) [9].

Синонимами к слову *плохой* выступают *дрянной, дурной, ледащий, неважный, негодный, незавидный, неприглядный, низкий, скверный, дешевый, грошовый, негодный, худой*, антонимами – *хороший, годный* [10]. Но словари лишь помогают подобрать синонимические и антонимические соответствия, но не однозначно определить их.

По аналогии с антонимическими парами, где оба слова являются однокорневыми, типа *красивый – некрасивый, вежливый – невежливый* (ср. *внимательный – рассеянный* (разнокорневые пары), *участливый – безучастный* (однокорневые, но образованные по разным моделям, пары)) возможно образование *хороший – нехороший* и *плохой – неплохой* как синонимов, а сле-

довательно, и соотношение слов *хороший* – *неплохой* и *плохой* – *нехороший* как потенциальных синонимов, однако в словарях синонимов эти образования не указаны.

Лексико-семантический аспект синонимических отношений зачастую поддерживается грамматико-семантическим. Так, считается, что в ряду *хороший* – *нехороший* – *неплохой* – *плохой* 1) слова *хороший* и *плохой* связаны антонимическими отношениями, 2) пары слов *хороший* – *неплохой* и *плохой* – *нехороший* связаны синонимическими отношениями. Следовательно, по логике вещей, слова *неплохой* – *нехороший* тоже должны быть связаны какими-то отношениями. Но это положение носит условный характер.

Если не рассматривать представленные слова исключительно как номенклатурные единицы, а обратиться к речевой практике, можно увидеть, что только в редких случаях в устной и в письменной речи реализованы такие строгие отношения. В целом, ряд *хороший* – *нехороший* – *неплохой* – *плохой* представляет собой разные степени выражения оценки и разные степени градации признака, поэтому, *неплохой* – *более хороший*, чем *плохой* и *нехороший*, но *менее хороший*, чем *хороший*, а *нехороший* – *более плохой*, чем *хороший* и *неплохой*, но *более хороший*, чем *плохой*. Следовательно, *нехороший* и *неплохой* имеют хоть и не полное, но более точное синонимическое совпадение, чем *хороший* – *неплохой* и *плохой* – *нехороший*. Абсолютная синонимия может быть достигнута за счет образования аналитических форм: *совсем неплохой* – *хороший*, *совсем нехороший* – *плохой*, но здесь следует учитывать стилистическое расхождение и экспрессивность образований, в то время как *нехороший* – *почти плохой*, а *неплохой* – *почти хороший*.

То же самое касается рядов *дешевый* – *недешевый* – *недорогой* – *дорогой*, *быстрый* – *небыстрый* – *немедленный* – *медленный* и пр. Они представляют собой типовые ряды, но ни одно языковое положение не может носить универсальный характер, поскольку любая языковая универсальность связана с отсутствием развития в системе языка, что в принципе невозможно.

В большинстве случаев синонимическая замена невозможна, поскольку искажает смысл или неточно выражает замысел автора. Так, высказывание: *Емеля был **хороший** боевик* (Б. Акунин) – означает, что *Емеля* имеет самую высокую степень оценки в отношении одного объекта – *лучший или один из лучших*. При использовании другого слова: *Емеля был **неплохой** боевик* – смысл несколько изменится, поскольку употребление слова *неплохой* будет означать, что *Емеля* имеет высокую, но не самую высокую степень оценки – *он не лучший и не один из лучших, есть другие, лучше его*. То же самое: ***Хороший** дворник всегда в белоснежном фартуке, потому что не сгребает грязь руками, стоя на четвереньках, а имеет метлу, лопату, совок и умеет ими правильно пользоваться* (Б. Акунин); *Единственное преимущество – **хороший***

обзор во все четыре стороны (Б. Акунин); *Проводив Грина и его людей в **хороший** доходный дом на Остоженке* (Б. Акунин); *Совет **хороший**. Обязательно им воспользуюсь... Но не сейчас. Позже* (Б. Акунин) – во всех этих случаях ни в коем случае не *неплохой*.

Возможна замена синонима другим без потери смысла. Например, в контексте: ***Хороший** план. И риск вполне умеренный.* (Б. Акунин) – прилагательное *хороший* вполне можно заменить прилагательным *неплохой*: ***Неплохой** план. И риск вполне умеренный.* В этой ситуации лексемы *хороший – неплохой* будут взаимозаменяемыми, поскольку речь идёт о том, что *план, хоть и хороший, но всё же отчасти рискованный* – такая характеристика говорит не о самой высокой степени выражения признака, выраженного лексическим способом, а лишь о приближении к абсолютному выражению признака. Сравним с высказыванием: *План Козыря был **хороший** – простой и крепкий, осложнений не предвиделось* (Б. Акунин). В данном случае *план действительно хороший, абсолютно хороший*. Таким способом язык сам снимается языковую избыточность за счёт точной специализации языковых единиц.

Семантико-грамматический аспект подтверждает лексико-семантическое наполнение лексических единиц. В выражении исследуемого признака лексемы *хороший – плохой* обозначают крайние степени выражения признака, если речь идет об одном объекте. Однако, когда сравниваются два объекта, используется грамматическая категория сравнения: *хороший – более (менее) хороший / лучше – самый хороший / лучше всех / лучший* или *плохой – более (менее) плохой – худший*. В образовании степеней сравнения слова *неплохой* и *нехороший* не образуют синтетические формы. В некоторых случаях можно образовать аналитические формы: *неплохой – более неплохой – самый неплохой* или *нехороший – более нехороший – самый нехороший*. Интересно, что формы *самый неплохой* и *более неплохой* носят разговорный характер и ограничены в употреблении: *самый неплохой – По мне **самый неплохой** смартфон это Explay Golf* [11], *более неплохой – Неплохая густерка. Еще **более неплохая** убежала из рук* [12], а вот формы *более нехороший* и *самый нехороший* не вызывают у носителей языка неудобства в употреблении и восприятии: *более нехороший – Но однажды зимой Рабинович проснулся от предчувствия чего-то еще **более нехорошего*** [13, с. 240], *самый нехороший – С севера – невысокий хребет защищает поляну от **самого нехорошего** ветра* [14]; *Трактир сей находился у Вяземской лавры, **самого нехорошего** места в Санкт-Петербурге* [15, с. 257]; *После чая собрался, вооружился и двинул в сторону того **самого нехорошего** места* [16].

Однако в большинстве случаев употребление таких форм невозможно: *быстрый – более небыстрый – самый небыстрый* или *немедленный – более немедленный – самый немедленный*.

Следовательно, на семантико-грамматическом уровне закрепляется расхождение между языковыми единицами, заложенное на уровне лексико-семантическом.

Расхождение на семантико-грамматическом уровне существует и в других языках: в англ. языке *few – a few* и *little – a little* соответствуют русской паре *мало – немного*, потому что *few* и *little* обозначают недостаточное количество – *мало*, а *a few* и *a little* обозначают достаточное количество – *немного*. Следовательно, фразы *He has few many* и *He has a few many* следует переводить по-разному: *У него мало денег* и *У него есть немного денег*. Таким образом, соотношение собственно русских слов со словами других языков тоже может пролить свет на точность употребления синонимов.

Кроме того, явление синонимии настолько нестабильно, что в ряде случаев синонимы могут выступать в антонимичных значениях. Так, одним из значений прилагательное *полный* имеет значение тучный, толстый человек (*одежда для толстых*), а прилагательное *толстый* – полный, тучный (*тучная баба*). Следовательно, они связаны синонимическими отношениями и в определённых контекстах являются взаимозаменяемыми, однако в высказывании: *Она была не **полная**, она была **толстая*** – они выступают антонимами.

Анализ сообщения связан с определением функционирования слов и изучением их смысловой нагрузки в рамках контекста. В результате экстрагирования (выделения) смысла слова, связанного непосредственно с теми или иными условиями его функционирования, вычленяется его значение, лежащее в основе всех употреблений слова как исходного понимания. Так, синонимический ряд *блондинка – светловолосая – белокурая – белобрысая* включает в себя слова, имеющие одно языковое значение женщина со светлым цветом волос, но различающиеся коннотационными компонентами, то есть смысловым наполнением. Слова *блондинка – светловолосая* различаются степенью употребляемости (*блондинка* – заимствованное и ассимилированное на русской почве слово). Слова *белокурая – белобрысая* различаются оценочностью: *белокурая* – привлекательная светловолосая женщина, *белобрысая* – непривлекательная светловолосая женщина. Кроме того, отмечается употребление разговорного слова *белявая*, которое в целом понимается носителями языка, но употребляется очень ограниченно, поскольку не носит стандартизированный характер. Именно коннотационные различия позволяют указанным лексемам оказаться в контексте, где они будут восприняты как антонимы: *Аптекариша была **белокурая** женщина, и в свое время благополучно родила аптекарю дочь, **белобрысую** и золотушную* (А.И. Герцен).

На подобные соответствия указывают и учёные-лингвисты. Так, слово *бюст* в одном из своих значений определяется в современных толковых словарях как женская грудь. Одна-

ко Л.П. Крысин пишет, что, помимо того, что указанными словарями не учитывается некоторая устарелость слова *бюст* в этом значении для современного русского языка, приведенное толкование позволяет употреблять слово *бюст* в высказываниях типа *молодая мать кормила бюстом ребёнка*, что явно расходится с языковой нормой. Он считает, что для того чтобы исключить подобное ошибочное словоупотребление, в толкование должен быть введён компонент, отражающий угол зрения на данный объект: *бюст* – это, разумеется, женская грудь, но с точки зрения строения женского тела, а не с точки зрения функции. Кроме того, Л.П. Крысин отмечает, что назвать бюстом можно, скорее, большую, высокую, пышную, крепкую и тому подобное грудь, и менее вероятно применение этого слова к маленькой, исхудавшей, ссохшейся и тому подобное женской груди [17]. В своих замечаниях Л.П. Крысин опирается на исследование Л.Н. Иорданской [18]. Иными словами, оценка объекта говорящими присутствует всегда, именно она и составляет коннотацию употребляемых ими слов как в абсолютном употреблении, так и в контексте.

Кроме того, следует отметить, что синонимия – явление, характеризующее живые языки, оно реализует особенность мышления человека, его потребность в более точном выражении мыслей. И даже, например, эсперанто, изначально не имевший исключений из правил и не характеризовавшийся языковой избыточностью, с течением времени приобрёл признаки живого языка, выразившиеся в том числе и в появлении синонимов: сейчас «в эсперанто представлены и иные процессы, в результате которых в язык проникают несвойственные ему ранее явления синонимии и полисемии» [19], являющиеся выражением языковой избыточности, не характерной для «правильных» языков, всецело подчиняющихся логике. Примеры синонимии: *mutuala* ‘взаимный’ – *reciproka, leghera* ‘лёгкий’ – *facila, pirato* ‘пират’ – *korsaro, stovo* ‘печь’ – *forno, ekzakta* ‘точный’ – *preciza, satelito* ‘спутник’ – *sputuiko, tendra* ‘нежный’ – *tenera, liedo* – *kanto* ‘песня’ – *kanzono, plagho* ‘пляж’ – *strando, primavera* ‘весна’ – *printempo, imortelo* ‘бессмертник’ – *helikrizo*.

Проведённый анализ свидетельствует о неоднозначности синонимических отношений в языке. Языковой опыт и языковая компетенция носителей языка позволяет им с большей или меньшей точностью употреблять слова в соответствующих контекстах, при этом «высокий уровень владения языком способствует точному употреблению, низкий – неточному» [20].

Знание конвенционального значения слова (его уникального лексического значения, стандартизированного и кодифицированного) и его коннотаций (смыслового наполнения, как правило, нестандартизированного и некодифицированного) помогает адекватно построить и воспринять высказывание, а также верифицировать конвенциональность исходного значения и

дополнительные смыслы. При формировании высказывания человек синтезирует имеющиеся в арсенале языка единицы, а при рассмотрении уже готового текста – анализирует его. Следовательно, при кодировании речи в большей степени осуществляется синтез, а при декодировании – анализ: синтезируется информация, подразумеваемая говорящим при формировании высказывания, анализируется информация, воспринимаемая слушающим при интерпретации высказывания.

Итак, явление синонимии направлено на выражение замысла говорящего и порождает языковую избыточность, которая постоянно снимается за счёт точной специализации языковых единиц, употребление которых наиболее предпочтительно в одних контекстах и невозможно в других. Синонимия способствует 1) более точному выражению мыслей говорящего, 2) расширению объема языка за счет появления новых языковых единиц (в том числе заимствованных), 3) семантическому и функциональному расслоению языковой системы за счет специализации языковых единиц и различению их за счет семантических расхождений и стилистической маркированности, 4) дестабилизации системы и росту энтропии, 5) росту информации, 6) развитию языковой системы и ее эволюции к более сложной форме и, наконец, 7) придаёт языку характер системности.

Как уже было отмечено выше, появление новой языковой единицы или новых отношений между единицами языка вносит в язык некоторый хаос, приводящий к росту энтропии первоначально в речи за счет необходимости выбора той или иной единицы, наиболее адекватно удовлетворяющей коммуникации, а затем и в языке, но только в том случае, если рассматриваемые отношения стали фактом не только речи, но и языка, то есть приобрели конвенциональный и общеобязательный характер. Преодоление хаоса достигается за счет конкретизации стилистической характеристики или семантического наполнения синонимов и закрепления соотносительных слов за контекстами, в которых стилистическая или семантическая разница между ними может быть нейтрализована или, напротив, проявлена.

Порождение хаоса и его преодоление порождает рост информации. Информация всегда динамична, она присуща речи [21]. В этом отношении синонимия за счет емкого семантического наполнения способствует тщательному отбору языковых единиц, осуществляемому говорящими с целью более точного выражения мыслей. Это приводит к росту энтропии речи и к росту информации в ней. Речь становится более информативна за счет того, что одна и та же мысль может быть выражена несколькими способами, один из которых будет более успешным. Информация в речи носит динамичный характер, и поэтому направлена на постоянное увеличение. Но процессы, протекающие в речи, не то же самое, что в языке. Информация, заложенная

в языке, носит статичный характер, поскольку она ориентирована не на порождение смысла, а на его хранение и передачу. После того, как информация приобретает статичный характер, она становится данными языка [22].

Таким образом, синонимы первоначально являются принадлежностью речи, и в этом отношении они способствуют росту информации. Они делают речь носителей языка более информативной, так как способствуют более точному выражению мыслей людей. Энтропии языка предшествует энтропия речи. Итак, увеличение энтропии увеличивает информативность языковой системы. Однако функционирование языка как системы, представляющей собой *многоуровневую классификацию* [23], не позволяет диссипативным структурам приобрести такую форму, которая смогла бы разрушить язык. Так, наличие в языке образования *неприглядный* свидетельствует о том, что оно было образовано от слова *приглядный*, которое в настоящее время не употребляется носителями языка. Прямого антонима к этому слову словари не фиксируют. Однако через синонимичные языковые единицы *непривлекательный* и *неблаговидный* можно условно привязать антонимичными отношениями слово *неприглядный* к словам *привлекательный* и *благовидный*. В результате преодоления диссипативных структур языковая система пополняется новой информацией, а информация всегда неотрицательна. Синонимия как вариант оптимизации языка предполагает стремление языка не к совершенству, а к удовлетворению потребности людей в коммуникации.

Коме того, явление синонимии, временно дезорганизовывая языковую систему, в результате оптимизирует процесс перехода от одного состояния языка к другому, более успешному и в наибольшей степени удовлетворяющему потребности каждого отдельного носителя языка и общества. Синонимические отношения невозможно жестко стандартизировать, поскольку отказ от естественного механизма производства синонимов приведёт к тому, что языковая система понесёт серьёзные потери.

Список литературы

1. Некипелова И.М. Признаки энтропии и негэнтропии в языковой системе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9 (29). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-58> (дата обращения 21.09.2015).
2. Некипелова И.М. Механизмы организации и дезорганизации языковой системы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 4(36). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2014-4-15> (дата обращения 21.09.2015).

3. Некипелова И.М. Энтропия языковой системы как основной показатель её развития // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 12 (32). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4> (дата обращения 21.09.2015).
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. 432 с.
5. Некипелова И.М. Энтропия языковой системы как основной показатель её развития // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 12 (32). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4> (дата обращения 21.09.2015).
6. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. 433 с.
7. Хороший // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%F5%EE%F0%EE%F8%E8%E9> (дата обращения 06.09.2015).
8. Акунин Б. Статский советник [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/BAKUNIN/akunin10.txt (дата обращения 06.09.2015).
9. Плохой // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%EF%EB%EE%F5%EE%E9> (дата обращения 06.10.2015).
10. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. 433 с.
11. Какой недорогой смартфон лучше? [Электронный ресурс]. URL: <http://whatsbetter.ru/section/431/> (дата обращения 06.10.2014).
12. Рыбалка – образ жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://salapin.ru/blogs/photo25017.html> (дата обращения 06.10.2014).
13. Грейг О. Сталин шутит. – М.: Алгоритм, 2013. 352 с.
14. Маслов В. Записки сахалинского таежника. Избранное. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=Da69AwAAQBAJ&pg=PT75&lpg=PT75&dq=#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 06.10.2014).
15. Лаптев А. Пурпур. – М.: Олма-пресс, 2004. 318 с.
16. Сезин С. Река снов. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/sezin_s_j/fanfik.shtml (дата обращения 06.12.2014).
17. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии [Электронный ресурс]. URL: <http://clck.ru/95Si6> (дата обращения 06.10.2014).

18. Иорданская Л.Н. Лингвистика частей тела // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию со дня рождения А.А. Реформатского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 397-406.
19. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто [Электронный ресурс]. URL: <http://miresperanto.com/esperantologio/danovskij.htm> (дата обращения 13.06.2015).
20. Некипелова И.М. Языковой опыт, языковая ориентация, языковое пространство // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 3.2. С. 185-206.
21. Зарифуллина Э.Г. Язык и речь: база данных и информация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1. С. 80-82.
22. Зарифуллина Э.Г. Языковая система: информация, информативность, информационность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 5 (37). URL: journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201410/pdf_676 (дата обращения 16.09.2015).
23. Некипелова И.М., Зарифуллина Э.Г. Языковая система как естественная многоуровневая классификация высокой степени надёжности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 6 (26). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-38> (дата обращения 21.09.2015).

References

1. Nekipelova I.M. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 9 (2013). <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-58> (accessed September 21, 2015).
2. Nekipelova I.M. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 4 (2014). <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2014-4-1> (accessed September 21, 2015).
3. Nekipelova I.M. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 12 (2013). <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4> (accessed September 21, 2015).
4. Prigozhin I., Stengers I. *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj* [Order from chaos. New dialogue of the person with the nature]. – Moscow: Progress, 1986. 432 p.
5. Nekipelova I.M. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 12 (2013). <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4> (accessed September 21, 2015).

6. Abramov N. *Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij* [Dictionary of the Russian synonyms and expressions, similar on sense]. – Moscow: Russkie slovari, 1999. 433 p.
7. Horoshij *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Big explanatory dictionary of Russian]. <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%F5%EE%F0%EE%F8%E8%E9> (accessed September 6, 2015).
8. Akunin B. *Statskij sovetnik* [Councillor of state]. http://lib.ru/ RUSS_DETEKTIW/BAKUNIN/akunin10.txt (accessed September 6, 2015).
9. Plohoj *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Big explanatory dictionary of Russian]. <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%EF%EB%EE%F5%EE%E9> (accessed October 6, 2015).
10. Abramov N. *Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij* [Dictionary of the Russian synonyms and expressions, similar on sense]. – Moscow: Russkie slovari, 1999. 433 p.
11. *Kakoj nedorogoj smartfon luchshe?* [What is inexpensive smartphone better?]. <http://whatsbetter.ru/section/431/> (accessed October 6, 2014).
12. *Rybalka – obraz zhizni* [Fishing is a way of life]. URL: <http://salapin.ru/blogs/photo25017.html> (accessed October 6, 2014).
13. Grejg O. *Stalin shutit* [Stalin jokes]. – Moscow: Algoritm, 2013. 352 p.
14. Maslov V. *Zapiski sahalinskogo taezhnika* [Notes of the Sakhalin tayezhnik]. <http://books.google.ru/books?id=Da69AwAAQBAJ&pg=PT75&lpg=PT75&dq=#v=onepage&q&f=false> (accessed October 6, 2014).
15. Laptev A. *Purpur* [Purple]. – Moscow: Olma-press, 2004. 318 p.
16. Sezin S. *Reka snov* [River of dreams]. http://samlib.ru/s/sezin_s_j/fanfik.shtml (accessed December 6, 2014).
17. Krysin L. P. *Oчерки о русской лексике и лексикографии* [Sketches about the Russian lexicon and a lexicography]. <http://clck.ru/95Si6> (accessed October 6, 2014).
18. Iordanskaja L.N. *Semiotika. Lingvistika. Pojetika* [Semiotics. Linguistics. Poetics]. – Moscow, 2004. Pp. 397-406.
19. Danovskij N.F. *Jevoljucija jesperanto* [Evolution of Esperanto]. <http://miresperanto.com/esperantologio/danovskij.htm> (accessed June 13, 2015).
20. Nekipelova I.M. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of discoveries], no. 3.2 (2013): 185-206.
21. Zarifullina Je.G. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of the theory and practice], no. 11-1 (2014). Pp. 80-82.

22. Zarifullina Je.G. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 5 (2014). http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201410/pdf_676 (accessed September 16, 2015).
23. Nekipelova I.M., Zarifullina Je.G. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern researches of social problems], no. 6 (2013). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-38> (accessed September 21, 2015).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Некипелова Ирина Михайловна, доцент кафедры философии, кандидат филологических наук, доцент

Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова

ул. Студенческая, д. 7, г. Ижевск, Удмуртская Республика, 426069, Россия

e-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8968-4493

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nekipelova Irina Mikhaylovna, associate professor of philosophy department, Ph.D. in Philological Science, Associate Professor

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov,

7, Studencheskaya street, Izhevsk, Udmurt Republic, 426069, Russia

e-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru

SPIN-code in SCIENCE INDEX: 8968-4493